

По-видимому, А. Ланьядо посвятил некоторым моментам истории ранневизантийской курии несколько больше места, нежели этого требовала тема его сочинения. Пример тому – куриальная политика императоров Анастасия I и Юстиниана (соответственно главы II и III), хотя нужно признать, что эта тема привлекает к себе внимание специалистов, так как до конца не раскрыта, несмотря на усилия последних лет¹³. При рассмотрении политики в отношении курий Анастасия I Ланьядо совершенно обоснованно, на наш взгляд, попытался разрешить проблему противоречия источников. Он выделил три основных мнения о реформе Анастасия, содержащихся в литературных источниках V–VI вв. К сожалению, автор не обратил внимания на единственную, но весьма важную положительную оценку, имеющуюся у Присциана, и вынужден был «оправдываться» перед императором Анастасием за весь тот негатив, в свете которого представила его административно-финансовые мероприятия современная им литература. А. Ланьядо обстоятельно разобрался с тем, что принесла куриальная и финансовая политика Анастасия I городам империи (с. 35–40), и выяснил, что причины для недовольства ею могли быть только у декурионов (с. 41–45). В вопросе о виндиках А. Ланьядо в общих чертах изложил концепцию А. Шаво¹⁴, дополнив ее некоторыми частными соображениями и дополнительными сведениями (с. 30–35). Поместив реформу императора Анастасия в контекст ранневизантийской куриальной политики, автор не только доказал, что она явилась закономерным итогом многовековой деятельности императорского правительства в данной сфере, но и показал, что Анастасий принципиально ничего не изменил в положении ранневизантийской курии. Заслуга Анастасия I заключалась в том, что он подошел к городской проблематике более вдумчиво, чем его предшественники. Сюжет о куриях в правление Анастасия выписан на высоком профессиональном уровне, хотя, как представляется, его можно было бы довести до совершенства, коль скоро автор вознамерился изучить его специально. Здесь А. Ланьядо оставил открытыми ряд вопросов, касающихся института виндиков (например, каков был повод его учреждения и в чем причины его исчезновения); он далее не взглянул на куриальные мероприятия Анастасия в контексте всего правления этого императора, который прославился последовательностью в осуществлении внутренней политики. Наконец, автор не указал на общие недостатки мероприятий Анастасия I в отношении курий. Последнее не позволило полнее раскрыть тему куриальной политики Юстиниана, которой в рецензируемой монографии также уделена значительная доля исследовательского внимания (с. 47–62).

Таким образом, труд А. Ланьядо нельзя оценить однозначно. Само по себе появление специальной публикации на столь интересную тему – замечательное событие в научной жизни. Оценки и выводы по частным вопросам ранневизантийской истории, содержащиеся в монографии А. Ланьядо, привлекут внимание коллег, изучающих социальные, политические и экономические учреждения и явления поздней Римской империи и ранней Византии. Несомненно, автором сделаны заметные шаги сразу по нескольким направлениям византиноведения. Но тем, кто будет обращаться к труду А. Ланьядо за консультацией или помощью, необходимо заручиться терпением и внимательностью, которых он заслуживает и благодаря своим достоинствам, и в силу некоторых (упомянутых выше) упущений.

В.В. Серов

Métivier S. La Cappadoce (IVe–VIe siècle). Une histoire provinciale de l'Empire romain d'Orient. Paris, 2005 (Byzantina Sorbonensia, 22). 496 p.

Комплексное изучение регионов Византийской империи в различные периоды ее истории представляет, на наш взгляд, одно из наиболее перспективных направлений современного византиноведения. Не секрет, что одни из них (например, Египет) изучены достаточно хорошо, благодаря множеству разнообразных источников, но другие, без преувеличения, до сих

¹³ См., например: Серов В.В. К вопросу о месте курий в ранневизантийском государстве: финансовый аспект // ВВ. 2001. Т. 60. С. 46–55.

¹⁴ Chauvot A. Curiales et paysans en Orient à la fin du Ve et au début du VIe siècle: note sur l'institution du *vindex* // Sociétés urbaines, sociétés rurales dans l'Asie Mineure et la Syrie hellénistiques et romaines. Strasbourg, 1985. P. 271–281.

пор представляют собой «белые пятна». Поэтому появление работы французской исследовательницы Софи Метивье, где подробно исследуется история Каппадокии на протяжении трех первых веков существования Византийской империи, представляется нам более, чем отрадной. Сложность задачи обозначена уже в эпиграфе, т.е. в словах Шарля Тексье¹, что нет труда более сложного и неблагодарного, чем писать историю этого региона, соединяя вместе разноречивые фрагменты сотен источников.

Как нам кажется, французская исследовательница вполне справилась с поставленной задачей: привлекая разные типы источников с различных, иногда неожиданных ракурсов², она дала довольно подробную картину возникновения и развития церковных и светских институтов в византийской Каппадокии. Однако исследование не было бы исследованием, если бы оно только описывало историю. Автор, помимо прочего, пытался проследить степень интеграции этой интересной и своеобразной исторической области в Византийскую империю и показать всю сложность данного процесса, сопровождавшегося как центробежными, так и центростремительными тенденциями.

В обширном введении (с. 9–34) С. Метивье указывает на культурное своеобразие Каппадокии, сложившейся, по ее мнению, ко времени поздней античности и сформировавшейся у ее населения представление о собственной идентичности. Особое внимание уделено «имиджу» каппадокийца. Интересно, что в византийское время делались попытки преодолеть расхождение в античности представление о нем как о грубом и ограниченном человеке. Уже Юстиниан в 30-й новелле подчеркивает древность этого народа, а лексикон Суда и Константин VII развенчивают принцип трех плохих «капп» (κ) – Каппадокии, Крита и Сицилии. Однако отношение к каппадокийцам на обыденном уровне, как кажется, все еще оставалось достаточно специфическим. Византийские авторы (такие, как Евсевий Кессарийский, Иоанн Златоуст, Феодорит Киррский, Косьма Индикоплов) упоминали каппадокийцев в числе евангельских или даже ветхозаветных народов, что, безусловно, поднимало их статус. С другой стороны, как указывает Метивье, эта область всегда рассматривалась византийскими писателями (например, Василием Великим, Амфилохием Иконийским, Филосторгием и др.) в контексте истории империи или имперской Церкви. Единственное исключение из этого правила – известный нам, но не дошедший до нас труд софиста Евстохия «О древности Каппадокии и других народов».

Первая глава монографии «Провинции Каппадокии» (с. 35–85) посвящена непрымому вопросу административного деления и уточнения внутренних и внешних границ. Ввиду отсутствия надежных источников вопрос о точных границах остается очень сложным. Автору на базе сохранившихся скудных сведений в источниках³ все же удалось кое-что сделать (результаты схематично продемонстрированы на картах 1, 2, 3 – с. 61, 66, 68). Однако главная «интрига» главы – это исследование подлинных причин административной реформы, произошедшей при Валенте предположительно в 371/372 г. и поделившей единую историческую область на две провинции (Каппадокия I и Каппадокия II). Исследовательница рассматривает три вероятных причины такого размежевания: конфессиональную (арианин Валент хотел ослабить позиции каппадокийского епископата, выступавшего за никейский символ веры), социокультурную (реформа была задумана, чтобы ослабить влияние Кессарии, где были сильные традиции эллинизма и население которой, возможно, оказывало пассивное сопротивление имперской централизации) и, наконец, фискальную (цель реформы заключалась в том, чтобы упорядочить сбор налогов). Считая первую из них несостоятельной и допуская какое-то влияние третьей, С. Метивье решительно склоняется ко второй, предполагая, что среди населения «столицы» Каппадокии было развито стремление к прямым контактам между императором и полисами, по сути, отрицавшее империю как реальность. Подобные настроения, в частности, были сформулированы Синесием Киренским. По мнению автора, удача реформ явилась одним из факторов подчинения Каппадокии империи, а формальный признак этого она считает признание законности границ области в трудах каппадокийских отцов Церкви.

¹ *Texier Ch. Description de l'Asie Mineur faite par ordre du Gouvernement français de 1833 à 1837. T. II. P., 1849. P. 15.*

² Так, например, хорошо всем известные труды отцов-каппадокийцев или Ливания исследовались в первую очередь как источник по социально-политической истории как церковной, так и светской.

³ В данном случае было важно, к какой провинции относят источники тот или иной город в этом регионе.

Вторая глава монографии «Провинциальная администрация и провинциалы» (с. 87–128) исследует взаимоотношения представителей имперской администрации с каппадокийской элитой и органами местного самоуправления до того момента, как в результате реформ Юстиниана 535–536 гг. для объединенной Каппадокии не был назначен проконсул. С. Метивье, исследовав переписку каппадокийских прцов и другие источники, осторожно заключает, что на посту глав администраций двух провинций не было каппадокийцев, что согласуется с общей «парадигмой» имперской политики. Однако каппадокийцы в изобилии присутствуют на более низких рангах административной лестницы, что делает аппарат глав провинций местом их групповых интересов. Исследовательница указывает, что, вопреки расхожему мнению, главы администраций каппадокийских провинций не были всевластны. В сферу их компетенции, скорее всего, не входили вопросы фиска. Также они довольно редко вмешивались в церковные дела. Но в их функции входило назначение и смещение городских куриалов, что, в свою очередь, порождало значительные трения между ними и местными органами городского управления. Довольно интересно трактует исследовательница конфликт, произошедший в Кессарии в 362 г. при Юлиане Отступнике, когда этот город на некоторое время потерял свой гражданский статус. Стержнем конфликта были не отношения между христианами и язычниками (как полагают многие), а сопротивление жителей города назначению епископа негорожанина, что могло быть ими воспринято как покушение на права городской общины: выборы епископа в те времена осуществлялись горожанами и контролировались местными органами власти. Так что этот конфликт мог отражать желание жителей Кессарии сохранить автономию в каких-то вопросах и стремление главы администрации укрепить свою власть. Однако его власть была еще достаточно зыбкой и ограниченной многими факторами: например, он вынужден был «конкурировать» с местными церковными институтами, принимать на себя недовольство имперской политикой со стороны местного населения и т.д. Реформы Юстиниана, как полагает С. Метивье, были ответом на слабость имперских институтов в провинциях. Однако и они полностью не достигли своей цели: «проект» по воссозданию надпровинциальных институтов потерпел провал. Результат противостояния глав имперской администрации и местных институтов оказался скорее неожиданным: в междоусобных боях они ослабили друг друга и в результате уступили управление провинцией сословию крупных земельных собственников, из которого государство впоследствии и «рекрутировало» кадры для своего провинциального аппарата управления.

Третья глава «Император в Каппадокии» (с. 129–170) посвящена вопросам, связанным с императорской собственностью в этом регионе. Собственность императора (*domus divina*) являлась, как считает С. Метивье, своеобразным продолжением эллинистических традиций: каппадокийские цари имели в собственном владении многие города и крепости. Для управления *domus divina* была введена особая должность *comes domorum per Cappadociam* – этот комит осуществлял свои функции в обеих каппадокийских провинциях и не подчинялся главам администрации. Налицо параллельная структура, «конкурирующая» с имперской администрацией в регионе. По мнению исследовательницы, такая дубликация не усиливала, а ослабляла влияние центральной власти в регионе. Императору, в конце концов, предстояло сделать выбор, и он его сделал: реформы Юстиниана упраздняют магистратуру комита и фактически усиливают роль главы администрации. Последний раз *domus divina* упоминается в 536 г. Ценой такого выбора, как полагает С. Метивье, император скорее укрепил позиции имперских институтов в регионе, чем ослабил их.

Четвертая глава «Епископы Каппадокии, император и патриарх» (с. 171–243) исследует сложные религиозно-политические взаимоотношения между этими тремя центрами силы. Как известно, к IV в. христианство в Каппадокии имело прочные и давние традиции⁴. Каппадокийские епископы оберегались своими общинами: известно, что население Кессарии защищало своего епископа Василия от викария диоцеза Понт, а жители Тианы оберегали епископа Евтерия от притязаний Фирма Кессарийского. «Интрига» состояла в том, что по неумолимой логике развития имперской Церкви каппадокийские митрополиты должны были подчиниться Константинополю и перейти под юрисдикцию Константинопольского патриарха. Были ли попытки сопротивления? С. Метивье считает, что были. И проявлялись они в том, что до Халкидонского собора, т.е. до окончательного подчине-

⁴ Юлиан Отступник свидетельствовал о падении язычества в этом регионе. Помимо христиан в Каппадокии IV в. известно о существовании зороастрийских и иудейских общин.

ния каппадокийских церковных институтов Константинополю, во время различных церковных кризисов каппадокийские митрополиты постоянно блокировались с противниками Константинопольского патриарха, будь это Иоанн Златоуст, Несторий или Флавиан, оспаривая тем самым авторитет столичной кафедры. Принятие халкидонских вероопределений было подтверждено митрополитом Кессарии лишь 6–7 лет спустя (457/458) и, видимо, не очень охотно. В Каппадокии примерно до 510 г. существовала достаточно сильная монофизитская партия⁵. Монофизитство, которое принималось и отвергалось различными императорами, было своего рода «пробным камнем» в отношениях между каппадокийской церковью, императором и Константинопольским патриархом. Именно во время монофизитской смуты окончательно оформляется политика митрополитов Кессарии. Если Василий Великий ставил своей целью объединение христиан Каппадокии на основе никейского вероисповедания, пусть даже путем их изоляции от императоров-ариан⁶, то со временем митрополиты Кессарии предпочитают присоединяться к доминирующей церковной партии, поддержанной императором и Константинопольским патриархом, меняя, если нужно, свои убеждения. В немалой степени такая политика способствовала постепенному исчезновению сторонников монофизитства в Каппадокии⁷. Однако С. Метивье не склонна расценивать данную позицию как оппортунизм, скорее речь идет о существенной интеграции церковных структур этого региона в имперскую политику: собственное мнение епископа имеет ценность только в совместной позиции епископов (например, Константинополя или Александрии) и позиции императора.

В пятой главе «Управление митрополитов и епископов Каппадокии» (с. 245–322) предпринята попытка исследования того, насколько тотальным был контроль церковной жизни и практик благочестия в регионе со стороны иерархии и прежде всего митрополитов. Подчинившись Константинопольскому патриарху, митрополиты Каппадокии тем не менее имели всю полноту церковной власти в границах своих провинций. Но как далеко она простиралась? Насколько часто они вмешивались в дела других провинций или соседних стран? Как считает исследовательница, в чужие дела каппадокийские митрополиты вмешивались с большой осторожностью, поскольку их авторитет зиждился на их личных качествах, а не на престиже кафедры. Их влияние на соседние регионы было весомым главным образом тогда, когда было поддержано имперскими властями. Наглядный пример такого рода – миссионерский успех каппадокийских епископов в Армянском царстве (рукоположения армянских епископов в Кессарии в первой половине IV в.) – был тесно связан с той ролью, которая отводилась Кессарии в армянской политике византийских императоров. Когда со времени Валента Кессария эту роль теряет, а Армянская церковь попадает под политический контроль шаханшаха, армяно-каппадокийские церковные связи значительно слабеют. Авторитету каппадокийских митрополитов (особенно кессарийских) мешала возникшая (со времени образования двух провинций) конкуренция между епископами Кессарии и Тианы. Однако с 451 г. выбор был сделан в пользу митрополита Кессарии, и его первенство стало бесспорным. Если в городах митрополиты и епископы могли обеспечить контроль над паствой, то в сельской местности все обстояло сложнее. Как показывает исследовательница, многие факторы (значительная власть хорепископов, наличие там различных сект, местных культов святых) позволяют говорить об известной самостоятельности хоры по отношению к городским церковным структурам. Естественно, что митрополиты всячески боролись за расширение своего влияния здесь. Так, например, к

⁵ С. Метивье пишет, что корреспонденция Севира Антиохийского, подтвержденная сообщениями Евагрия и Феофана, показывает многочисленные контакты, которые существовали между церковью Каппадокии и предводителем монофизитов. В общей сложности партию монофизитов поддерживали восемь епископов Каппадокии. Исследовательница предполагает, что к этой партии к концу правления Анастасия примыкали почти все.

⁶ При этом Василий Великий, конечно же, не отказывался использовать свои связи при дворе ариана Валента, чтобы его паства избежала гонений.

⁷ После того, как епископы, стойкие сторонники монофизитства, были смещены со своих кафедр, а другие переметнулись в лагерь халкидонитов, монофизитство какое-то время еще существовало в этом регионе. Но после того, как Иаков Барадай, хотя и проповедовавший в этих местах, не рукоположил здесь ни одного епископа, и после осуждения Севира Антиохийского Каппадокию покинули монахи-монофизиты, сторонников монофизитства в этом регионе больше не осталось.

VI в. институт хореепископов полностью сошел на нет, его заменили созданием новых епархий. Но даже и при таких стратегиях процесс распространения юрисдикции епископа на всю формально подвластную ему территорию был далек от завершения: нередко епископский авторитет игнорировали (или всячески обходили), решая спорные вопросы в пользу местного клира. Причины этого, возможно, лежат еще и в том, что каппадокийский епископат, солидарный во всем со светскими властями, не смог создать на подчиненной ему территории сильной и независимой от светской власти структуры.

Шестая глава исследования посвящена миграциям каппадокийцев в различные регионы империи и их последствиям как для Каппадокии, так и для государства в целом (с. 323–388). И здесь обнаруживаются разные миграционные потоки: культурный (философы, софисты, риторы и др.), политический (возможность сделать политическую карьеру при дворе или в имперской провинциальной администрации), религиозный (паломнический, монашеский). Потоки эти, по всей видимости, были разнонаправленными: если некоторые философы, преподавая в Каппадокии, свидетельствуют о ее культурной интеграции в империю, то некоторые неоплатоники решительно с ней порывают. Известно влияние «каппадокийской партии» в Константинополе – участие каппадокийцев в столичных госструктурах, их влияние на назначение «земляков» в провинциальную администрацию. Однако, как отмечает исследовательница, успех «каппадокийской партии» не сблизил каппадокийцев с исторической родиной, а еще больше их маргинализировал. Интересна также ее гипотеза, объясняющая отсутствие монахов-каппадокийцев в Константинополе. По мнению С. Метивье, значительная монашеская миграция из Каппадокии в Палестину была связана, с одной стороны, с протестом против сложившейся в регионе монашеской практики⁸, а с другой – с неприятием все возрастающего влияния Константинополя на церковные дела региона. Ведь в значительной степени благодаря выходцам из Каппадокии (например, преп. Савве Освященному) Палестина стала одним из центров религиозной и монашеской жизни в империи. В целом, как считает С. Метивье, миграция каппадокийцев внесла значительный вклад в формирование авторитета Константинополя как столицы и во многом сформировала создание авторитета Палестины как «альтернативного» столице места святости, но для самой Каппадокии она была скорее негативной, поскольку способствовала ее маргинализации и превращению этого региона (находившегося, как известно, в центре империи) в периферию.

В завершающей (седьмой) главе своей монографии С. Метивье исследует роль и место Каппадокии в политике различных византийских императоров и претендентов на престол (Констанция II, Юлиана, Прокопия и Валента), а также устройство и структуру армейских гарнизонов в этой области (с. 389–423).

В заключении (с. 425–428) подводятся основные итоги работы. Уже с IV в. Каппадокия рассматривается как провинция, признавшая авторитет центральной власти, как регион, где доминируют имперские институты. Несмотря на сложный и неоднозначный процесс административных преобразований, имперские институты в регионе все более и более укрепляются. Но параллельно идет и другая тенденция: империя не отказывается от возможности вдохнуть новые силы в региональные институты, например, даря многим поселениям статус городов. Подчинение – светское и церковное – Каппадокии Константинополю тем не менее учит ее извлекать из этого выгоду. Это объясняет тот факт, что при всех очевидных минусах Каппадокия сумела «сохранить лицо», остаться все же значимой единицей, в то время как многие города или даже регионы полностью теряют свое бывшее значение в результате активного государственного строительства новой империи. С. Метивье не считает случайным тот факт, что именно Каппадокия явилась пределом экспансии Омейядов в Малой Азии в отличие от своих соседей по диоцезу Восток, завоеванных арабами. «Конфигурация Византийской империи, – заключает исследовательница, – сформированная в Малой Азии ударами арабов-мусульман, как можно полагать, явилась результатом длительного процесса, начавшегося со времени арианского кризиса, основания Константинополя, переселения императора в город Константина и формирования Константинопольского патриархата» (с. 428). В приложении к работе опубликован комменти-

⁸ Особенностью монашества в Каппадокии являлось то, что оно в подавляющем большинстве было общежительным (отшельнические формы не получили там распространения) и находилось под сильным влиянием правил, разработанных Василием Великим, активно приживаемых его единомышленниками (например, Григорием Нисским).

рованный перевод на французский 30-й новеллы Юстиниана. Естественно, монография снабжена помимо списка литературы индексами и картами.

Возможно, некоторые гипотезы и построения французской исследовательницы не бесспорны: можно отметить, например, что она находится под сильным влиянием идей Ж. Дагрона о тесной, почти детерминирующей связи светского и церковного начал в византийской истории⁹. Но несомненно одно: всем тем, кто серьезно занимается историей ранней Византии обойти молчанием труд Софи Метивье теперь уже не удастся.

А.А. Войтенко

Savvides A.G.K. Οι Μεγάλοι Κομνηνοί της Τραπεζούντας και του Πόντου. Ιστορική επισκόπηση της βυζαντινής αυτοκρατορίας του μικρασιατικού ελληνισμού (1204–1461). Athenai, 2005. 282 σ.

К истории Трапезундской империи в последние годы обращалось несколько греческих ученых. Но если книга Я. Пападрианоса, например, носила чисто юбилейный характер и была посвящена 800-летию основания этого государства¹, а сочинение В. Лимперопулоса сфокусировано на топонимике и топографии Понта и не добавляет, по сути, ничего нового к известным в науке фактам², то профессор Эгейского университета на Родосе А. Саввидис в своей монографии поставил цель системного изложения истории династии трапезундских василевсов – Великих Комнинов и их роли как правителей Понта. А. Саввидис публиковал в предшествующие годы статьи на эту тему и вместе со Ст. Лампакисом издал библиографический справочник³. Эти труды и послужили отправным пунктом его новой книги. В отличие от многих зарубежных исследователей, А. Саввидис знаком с изысканиями, написанными на русском языке, а также с некоторыми источниками и литературой на турецком языке⁴.

Как и многие его предшественники, А. Саввидис рассматривает Трапезундскую империю как хранителя традиций средневекового эллинизма в Северо-Восточной Малой Азии (с. 11–12). Однако он начинает свое изложение не с античного или византийского периода, а с 1204 г., даты основания империи, которую называет позднесредневековым государством (с. 12). После суммарного разбора предшествующей историографии, Саввидис разбивает свое сочинение на три главы по хронологическому принципу, почти соответствующему столетиям существования империи: 1204–1297, 1297–1390, 1390–1461 гг. Несовпадению с границами веков составляют лишь даты смены царствовавших императоров. В таком хронологическом делении есть своя логика, но определение исторических рубежей дискуссионно. Например, первую главу Саввидис называет «Образование византийской империи малоазийского эллинизма XIII в.». Выбранные для этого рамки: 1204–1297 гг. не безусловны. 1297 г. не был ве-

⁹ Ссылки на труды Ж. Дагрона встречаются широко по всему тексту. Так, в качестве подтверждения своей мысли о том, что Каппадокия благодаря действиям своих епископов и богословов ассоциировалась не только с историей Церкви, но с политической и идеологической историей империи, автор ссылается на суждение Дагрона, что церковная организация является «последним словом политики» (с. 167, прим. 25).

¹ Papadrianos I. Η αυτοκρατορία της Τραπεζούντας, 1204–1461. Σύνομη ιστορική αναδρομή. Thessaloniki, 2004.

² Lymperopoulos V.Ch. Ο Βυζαντινός Πόντος. Η αυτοκρατορία της Τραπεζούντας (1204–1461). Ο χώρος – οι άνθρωποι – η οικονομία. Athena, 1999.

³ Savvides A.G.K., Lampakis St. Γενική βιβλιογραφία του Βυζαντινού Πόντου και του κράτους των Μεγάλων Κομνηνών της Τραπεζούντας. Athena, 1992. 176 p.; дополнения: АП. 1994. Т. 45. Р. 79–91; 1996–1997. Т. 47. Р. 345–350; 1998–1999. Т. 48. Р. 232–250; 2002. Т. 49. Р. 149–153.

⁴ Им, в частности, был предложен перевод на английский язык отрывка из хроники Ашик-паша-заде о падении Трапезунда: Savvides A.G.C. Ashik-Pasha-Zade on the Conquest of Trebizond by the Ottoman Turks in A.D. 1461 // АП. 1987. Т. 41. Р. 240–248. Поправки и новогреческий перевод того же отрывка: Zachariadou E.A. Σχετικά με τον Ασίκ-Πασά-Ζαδέ και την Άλωση της Τραπεζούντας // АП. 1988–1989. Т. 42. Σ. 134–138.